

История повседневности в деталях: проблемы комментирования текстов русской литературы

В статье рассматриваются проблемы понимания и комментирования произведений Н. Гоголя, Л. Толстого и других классиков русской художественной литературы, а также переиздания дореволюционных очерковых, публицистических, мемуарных книг. Подходы к комментированию связываются с изучением истории русской повседневной жизни. На примерах показана огромная роль мелких историко-бытовых деталей в создании писателем образов персонажей книг. Ставится вопрос о методике комментирования: что остро нуждается в комментировании, поскольку позволяет глубже проникнуть в замысел автора и понять текст, а что из непонятого безболезненно можно оставить без внимания.

Ключевые слова: переиздание, русская литература, мемуаристика, классика, текст, комментирование, история, повседневная жизнь, историко-бытовые детали.

В книгоиздательском деле существует проблема, возникшая очень давно, но нерешенная до сих пор: проблема переиздания старой, дореволюционной (а теперь, пожалуй, и советской 1920–1930-х гг.) литературы как художественной, так и очерковой, мемуарной, эпистолярной и т. д. Речь идет о проблеме комментирования текстов. Эта проблема возникла в связи с освоением широкими массами читателей литературного наследия и рассматривалась уже первыми советскими литературоведами, текстологами и педагогами. Так, основные особенности жанра комментария сформулировал С. Рейнер¹. Сформировалась типология комментариев: текстологический, лексический, историко-литературный, литературоведческий, биографический, исторический, реально-бытовой. В данной статье речь идет преимущественно о последнем типе.

История народа – это история его повседневной жизни, нередко проявляющейся в мелочах. Нет таких жизненных сфер, которые были бы вне повседневности. Она реализуется в труде, быте и отдыхе человека. Ее история доходит до нас, запечатленная в произведениях художественной и очерковой литературы, мемуарах и переписке, актовом материале, картинах, фотографиях, предметах материальной культуры и т. д. Так, автор дневников или мемуарист по ходу фиксируют какие-то имена, события, детали быта, а писатель, формируя образ литературного персонажа, пользуется множеством деталей современной ему жизни. Но жизнь эта прошла, и для последующих поколений читателей эти детали зачастую оказываются непонятны, поскольку этим читателям незнакома история повседневной жизни народа. А значит, может оказаться непонятым образ персонажа художественного произведения, образ прошедшей эпохи, некоторые смыслы, вкладывавшиеся авторами в дневники, воспоминания или письма. Задача данной статьи – показать чрезвычайно важную роль историко-бытовой детали в литературном тексте для понимания отразившейся в нем повседневности прошлого, ее содержание и насущную необходимость ее углубленного комментирования. Речь идет о детали типологизирующей, обусловленной социально-политическим строем, особенностями общественного быта.

Современному читателю, особенно молодому (школьнику, студенту), читать русскую классику трудно. Еще труднее – читать вдумчиво, хотя бы потому, что там без конца попадают давно вышедшие из употребления слова и понятия. Острота проблемы привела к созданию целого комплекса таких методических пособий, как книги для учителя и учащихся (Ю. Лотмана, Н. Бродского, С. Белова, В. Мануйлова и др.²). Попытка подведения итогов сделана М. Гаспаровым³, по этой проблеме защищено несколько кандидатских диссертаций⁴. В школьной педагогике сложилось целое методическое направление – комментированное чтение⁵. В помощь этой работе был выпущен ряд толковых словарей. Еще в 1959 г. филолог и журналист Ю. Федосюк обратился к ученым с призывом начать работу по созданию словаря русского быта, который помогал бы широкому кругу читателей, прежде всего учителям русской литературы и школьникам⁶. А в 1989 г. сам Федосюк завершил работу над справочником «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века». С тех пор эта чрезвычайно популярная у читателей книга выдержала множество переизданий⁷. И такого рода работа не единственная. Можно назвать книги В. Сомова, Р. Кирсановой или вышедший под редакцией Р. Рогожниковой словарь

«Редкие слова в произведениях авторов XIX века»⁸. С 2013 г. издательство CLEVER выпускает альманах «Интерактивная классика» с подробнейшими характеристиками прошлых эпох, отразившихся в русской классике. Да и автор этой статьи не остался в стороне⁹. Обращался он и к проблеме комментирования¹⁰.

Для понимания текста недостаточно узнать из книг, что представлял собой тот или иной предмет, чин, титул и т. п. Существовавшая в свое время высокая писательская культура (и, соответственно ей, читательская культура) вела к тому, что художественные образы и коллизии рисовались с помощью «говорящих» бытовых деталей. И это нередко ставит в тупик вдумчивого современного читателя, пытающегося понять автора. Каждый ли учитель-словесник способен объяснить непонятные даже и образованному современнику пассажи? А ведь иногда они чрезвычайно важны для понимания сути произведения. Увы, далеко не всегда на высоте оказываются и комментаторы, пытающиеся помочь этому читателю.

Один из самых сложных для понимания текстов русской художественной литературы – повесть Н.В. Гоголя «Нос». Историки литературы и режиссеры театра и кино на все лады пытаются трактовать его. А ведь писатель объяснил уже все, очертив образ героя. Вот этот текст:

Но между тем, необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский ассессор. Коллежских ассессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими ассессорами, которые делались на Кавказе... Ковалев был кавказский коллежский ассессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским ассессором, но всегда майором. «Послушай, голубушка, говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки, ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев? – тебе всякий покажет». Если же встречал какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева»... Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских и уездных землемеров, у архитекторов и полковых докторов, также у управляющих разные полицейские обязанности... Майор Ковалев носил множество печаток сердоликовых, и с гербами, и таких, на которых было вырезано: среда, четверг, понедельник и проч. Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то – экзекуторского в каком-нибудь видном департаменте¹¹.

Гоголь неслучайно остановился на том, что Ковалев – кавказский коллежский асессор. В дореформенной России правом государственной службы пользовался весьма ограниченный круг людей. Для лиц разного социального происхождения различались правила чинопроизводства как в первый классный чин, так и в последующие, а особенно в 8-й, дававший права потомственного дворянства. К тому же с 1809 г. чин 8-го класса, т. е. коллежского асессора, давался только при наличии университетского диплома. Но на Кавказе, который только что осваивался в административном отношении и нуждался в чиновниках, на государственную службу принимали всех лиц «свободного состояния», включая вольноотпущенных крепостных, вдвое сокращали сроки чинопроизводства и диплома не требовали. Подчеркивая происхождение чина Ковалева, Гоголь имел в виду его низкое социальное происхождение. Потому-то Ковалев уже два года не мог забыть свой чин.

По «Табели о рангах» майор также находился в 8-м классе. Но военные чины числились классом выше, так что майор, переходя в гражданскую службу, автоматически получал следующий чин надворного советника. Ходивший в статском платье Ковалев, называя себя майором, вполне мог сойти за отставного военного, предполагавшего получить чин уже 7-го класса. Кроме того, военные чины, особенно в николаевскую эпоху, были почетнее гражданских: получить чин за боевые заслуги, согласитесь, гораздо почетнее, нежели высидеть его в канцелярии, да еще и в сокращенные сроки.

Издавательски звучит и претензия Ковалева на должность. Существовало соответствие чинов должностям. И должность вице-губернатора соответствовала 5-му классу «Табели о рангах». Вице-губернатор был весьма значительной фигурой, и Ковалеву с его чином 8-го класса до него было далеко. Должность же экзекутора соответствовала 10-му классу. Это был незначительный чиновник, ведавший снабжением учреждений перьями, чернилами, бумагой, дровами и пр. Вспомним, что в «Шинели» именно экзекутор является к герою вызывать его на службу; эту же миссию курьера выполняет экзекутор в «Записках сумасшедшего». Не Бог вещь какая фигура, а для чиновника 8-го класса даже несколько унижительная. Перед кем же величается «майор» Ковалев? Перед уличной разносчицей, торгующей манишками. Между прочим, разносная торговля мелочами мужского туалета была благовидным прикрытием для незарегистрированных уличных проституток, позволяя им посещать квартиры холостых мужчин.

Столь же характерны и приметы его внешности. Ковалев носит манишки, покупая их у уличных разносчиц. Это самый низший сорт

товара. Вспомним, что Чичиков даже в стесненных обстоятельствах носил сорочки тонкого голландского полотна. Как человек умный, он понимал, что дешевое щегольство не украшает: по одежке встречают. Ковалев же щеголяет множеством печаток на часовой цепочке. У людей, что называется, комильфо это была одна печатка из ценного камня, а не из дешевого сердолика, и вырезан на ней был герб ее владельца: их употребляли при запечатывании писем. У Ковалева множество печаток с гербами, очевидно, чужими либо фантастическими. Что же касается печаток с вырезанными днями недели, то такими припечатывали свертки с товарами на таможене. Вот где ларчик открывается! Ковалев служил на таможене и, вероятно, имел доход от контрабандных товаров.

Недаром Гоголь отмечает и бакенбарды Ковалева: губернские и уездные землемеры, архитекторы, врачи и лица, «отправляющие разные полицейские обязанности» (становые, квартальные, заседатели земского суда) нередко были разночинцами по происхождению. Так и видится в этом портрете щеголеватый мещанин или приказный, всеми силами стремящийся «выбиться в люди». И портрет этот создан с помощью нескольких деталей повседневной жизни, в которых, однако, спрессована огромная информация. Для потомственного дворянина Гоголя «майор» Ковалев – рвач, выскочка, пустышка, ничтожество, которого, может быть, еще недавно пороли при полиции, это «тьень Невского проспекта», нос которого столь же значителен, как его владелец. В этом суть повести.

Другой персонаж Гоголя – Федор Иванович Шпонька. Убоившись премудростей учения, он поступает в полк. Примерный молодой дворянин, которого командиры всегда ставили в образец. Ко времени выхода в отставку ему 37 лет, а он всего лишь в чине подпоручика. На службу он поступил в 17 лет. Разумеется, поступил юнкером «на правах дворянина». Уже через 2–3 года ему следовало получить чин прапорщика. Дальнейшее продвижение подчинялось правилам о выслуге, так что подпоручиком он должен был стать годам к 25–27, а к 37 годам быть штабс-капитаном. «Блистательная» карьера для благонаправленного молодого человека и дворянина: 8–9 лет в нижних чинах, 11 лет в прапорщиках. В таких темпах производились примерные военнослужащие из рекрутов, но не дворяне. У Гоголя этот портрет – свидетельство ничтожества дворянского недоросля (в фонвизинском смысле), раскрытое в нескольких строчках.

Аналогичным образом работали и другие художники слова. Так, Л. Толстой мог бы прямо сказать, что Анна Павловна Шерер

была мелка, чванлива и ничтожна. На первой странице «Войны и мира» Анна Павловна беседует с князем Курагиным. Должны собраться гости, созванные «разосланными утром с красным лакеем записочками». Вероятно, почти никто из современных читателей и даже специалистов не обращает внимания на этого «красного лакея». Почему же Толстой, требовательно относившийся к своим текстам, по многу раз их переделывавший, сохранил здесь «красного лакея»? Да потому, что это – чрезвычайно содержательная деталь. Как фрейлина вдовствующей императрицы Анна Павловна могла пользоваться дворцовыми лакеями в их красных livреях. Сидя из-за болезни дома, она могла разослать записочки со своим лакеем. Но воспользовалась она именно придворным лакеем, еще раз демонстрируя (и это – близко знающим ее людям!) свое положение.

Художественная деталь может быть многозначительной, скрывать глубокое содержание, а может превратиться в штамп. Так, читателю XIX в. было понятно, что когда говорилось о «фризовой шинели», то имелся в виду человек незначительный, бедный – лавочник, канцелярист. Люди побогаче шили шинели из сукна, фриз же, толстая ворсистая байка, употреблялся бедняками. В «Невском проспекте» у Гоголя есть «жалкая добыча человеколюбивого попытчика, пущенная по миру во фризовой шинели», а в «Портрете» «хозяин лавки, серенький человечек во фризовой шинели...». Если же писатель говорил о «венгерке», то было ясно, что речь идет об отставном военном, скорее всего кавалеристе небольшого чина, или о небогатом помещике, собачее и лошадаике, или просто о проходимце, игроке и выпивохе. Своеобразным синонимом «венгерки» были «усы»: в первой половине XIX в. ношение усов сначала было разрешено только гусарским офицерам, затем всем кавалерийским офицерам, а потом и всем военным, в т. ч. и отставным. Потому-то М. Лермонтов в «Петергофском празднике» говорит о «венгерках мелких штукарей», т. е. жуликов, а один из персонажей «Тарантаса» В. Соллогуба называет Москву с ее большим количеством отставных военных «отечеством усов и венгерок», в другом же месте этого произведения сказано о «бильярде с усатыми игроками». С. Максимов в книге «Год на Севере» пишет об обществе уездных чиновников, в котором «принадлежит первое место разбитным усатым господам с размашистыми, лошадиными манерами». «Поддевка» и «чуйка» обозначали простолюдинов, мещан или мелких купцов («...каждая чуйка на каждом перекрестке, завидев в пролет улицы церковь, снимая картуз, крестясь и чуть не до земли кланяясь...» в «Жизни Арсеньева» И. Бунина). Нанковский халат

(нанка – дешевая хлопчатобумажная ткань) или такой же сюртук – родовой признак семинаристов, дворовых, мелких служащих и т. п. В «Конторе» И. Тургенева один из конторщиков «одет был, *как следует* (курсив мой. – Л. Б.), в серый нанковый сюртук». Примечательным образом использует Тургенев одежду как деталь в «Певцах». Обалдуй одет во фризтовую шинель, на Моргаче «довольно опрятная суконная чуйка», на Яшке-Турке «долгополый нанковый халат», у Дикого-Барина «поношенный сюртук с медными гладкими пуговицами», у рядчика «тонкий армяк из черного сукна с плисовым воротником». А через две страницы выясняется, что Обалдуй – «загулявший, холостой дворовый человек», Моргач – бывший приказчик, вольноотпущенный, приписавшийся в мещане и разбогатевший; Дикий-Барин происходит из однодворцев и «состоял будто где-то на службе», Яков-Турок – рабочий на фабрике, а рядчик – мещанин, занимающийся подрядами. Крестьянин был – «зипун»: «А ты не пьян? – обращаюсь я к зипуну... Росинки в рот не брал... отвечает зипун, хватаясь за шапку» в «Записках степняка» у А. Эргеля. Купец же – «сибирка», долгополый сюртук; в одном из романов П. Бобрыкина в передней дельца новой формации вперемышку висят шинели, пальто и сибирки, т. е. этот человек имеет дело и с барамы, и с чиновниками, и с ветхозаветными купцами-бододачами.

Иногда в качестве «говорящей» детали выступает какая-либо часть одежды, предмет или украшение. Например, у Л. Толстого в «Набеге»: «Две женщины в шумящих платьях, повязанные шелковыми платочками и с ярко-цветными зонтиками в руках... Две девицы... с открытыми головами стояли у завалинки низенького домика и принужденно заливались тоненьким смехом, с видимым желанием обратить на себя внимание проходящих офицеров»¹². И в осажденном Севастополе у Толстого «по большой аллее бульвара ходили всяких сортов офицеры и всяких сортов женщины, изредка в шляпках, большей частью в платочках (были и без платочков и без шляпок)»¹³. Эти детали не случайны. В старой России шляпки носили женщины из общества. В платочках ходили купчихи, мещанки, солдаты и прочие женщины невысокого социального положения. Но появиться на улице с непокрытой головой могла позволить себе только «гулящая». Из жительниц кавказского захолустья завести «шумящее» платье из дорогой ткани, шелковый платочек и, главное, ярко-цветной зонтик от солнца могли только горожанки, имевшие «приватные» доходы в богатой офицерами и бедной женщинами крепости. Такие места были насыщены и «девицами» с непокрытой головой. Характерной деталью были «туль-

ские» украшения. Молодой человек «во фраке с покушениями на моду», бывший свидетелем въезда Чичикова в ворота гостиницы города NN, застегивал манишку «тульской булавкой с бронзовым пистолетом», а у тургеневского Каратаева, разорившегося мелкого помещика, забубенного собачья, «на красных и толстых его пальцах... виднелись серебряные и тульские кольца». Тульские – то же, что из «самоварного золота»: ремесленники, занимавшиеся самоварным производством, из обрезков латуни изготавливали огромное количество дешевых колечек, перстеньков, сережек и булавок.

Тургенев в «Дворянском гнезде» в основном ограничивается мелкими деталями. Так, у щеголя, светского льва Паншина батистовый носовой платок; бедняк-учитель Лемм смахивает пыль с сапог «толстым носовым платком». Но особенно примечателен платок у Гедеоновского. Писатель тщательно описывает этого человека, в котором «все дышало приличием и пристойностью». И, однако же, он достает из кармана тщательно свернутый «клетчатый синий платок», который вовсе не пристал утонченному и воспитанному статскому советнику. Эта деталь дополняется речевой характеристикой Гедеоновского. О людях даже и не столь значительных, он почтительно говорит «они»: «Я их самолично видел», «очень поздоровели, в плечах еще шире стали» и т. д. Во-вторых, он постоянно употребляет «слово-ерс»: «Они-с», «Весел-с, ничего-с», «что делать-с». В соединении с типичной фамилией это более чем ясно свидетельствует о невысоком происхождении этого персонажа. Тургенев даже мог и не говорить прямо устами Марфы Тимофеевны, что Гедеоновский – попович.

Манера говорить – важнейшая деталь. И употребление «слово-ерс», т. е. окончания «с», прибавлявшегося к некоторым словам, было свидетельством низкого положения или происхождения человека. Штабс-капитан Снегирев в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского прямо заявляет: «Слово-ерс приобретается в унижении», и на вопрос – невольно приобретается или нарочно, отвечает: «Все не говорил, целую жизнь не говорил словоерсами, вдруг упал и встал с словоерсами». И в «Вокруг света на “Коршуне”» К. Станюковича старый штурман Степан Ильич постоянно употребляет «слово-ерс»: штурманы, происходившие из разночинцев, в отличие от строевых офицеров, были париями флота.

Итак, деталь в большинстве случаев связана с особенностями общественного быта, социального строя. Примеры такого рода могут быть бесконечны. Вот в «Преступлении и наказании» Достоевского Мармеладов подчеркивает, что его супруга – «урожденная штаб-офицерская дочь». Отец ее служил в гражданской службе

(«статский полковник»), а мы уже знаем, что штаб-офицерские чины давали право на потомственное дворянство, и Мармеладов косвенно подчеркивает это. Довольно много подобных деталей встречается у Лермонтова. Например, в «Княгине Лиговской» аристократ Печорин презрительно говорит о маленьком чиновнике Красинском, что тот «непременно будет великим государственным человеком, если не останется вечно титулярным советником. – Я непременно узнаю... есть ли у него университетский диплом», добавляет он. Выше уже объяснялось, в какой связи находились чин и диплом: титулярный советник был в 9-м классе, и для получения следующих чинов требовался диплом. В «Герое нашего времени» лечившиеся на водах приезжие дамы, увидев петербургский покррой сюртука Печорина, посмотрели на него «с нежным любопытством», но, «узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись». Петербург был местом дислокации гвардии, и петербургский покррой платья предполагал приезд гвардейца – богача и аристократа. И носили гвардейцы эполеты с галунным полем с императорским вензелем на нем, тогда как у армейцев поле эполет было суконное, с номером полка. Армейское офицерство, особенно в глухой провинции, отличалось бедностью, необразованностью, невоспитанностью, а иногда и «низким» происхождением. Потому-то так обижен был пренебрежением Печорина Максим Максимыч, дослужившийся лишь до чина штабс-капитана и служивший в линейном батальоне. Выслужившиеся из солдат офицеры производились только до штабс-капитанского чина. Между армейцами и гвардейцами лежала глубокая рознь, выражавшаяся во взаимном презрении. Подробно остановился на этом Толстой в «Набеге», «Севастопольских рассказах» и «Из кавалерийских воспоминаний. Разжалованный».

В отличие от приезжих аристократок, местные дамы в «Герое нашего времени» «были благосклоннее» к обладателю армейских эполет, так как привыкли «встречать под номерованной пуговицей пылокое сердце»: у гвардейцев на пуговицах изображался двуглавый орел, а армейцев – номер полка. Так же косвенно говорит автор о социальных различиях и дальше. Грушницкий заявляет: «Эта гордая знать смотрит на нас, как на диких зверей. И какое дело им, есть ли ум под номерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью». Фуражки с номером на околыше носили нижние чины, каковым был и юнкер Грушницкий. Потому он и не может попасть на бал в местное собрание, а смотрит на танцующую княжну Мэри в окно с улицы. Солдатскую же шинель толстого сукна он носил «по особенному роду франтовства»: вступив в службу юнкером,

он, однако, пытается, и безуспешно, произвести впечатление разжалованного офицера – весьма популярную и романтическую в то время фигуру. Разумеется, в ту пору, когда писали Гоголь или Лермонтов, читатель, человек того же круга, хорошо разбирался и в системе чинов, и в правилах чинопроизводства, и в знаках различия, и в социальной структуре. Поэтому тогдашний читатель тургеневского «Однودворца Овсянникова» прекрасно понимал, почему в ответ на повествование Овсянникова, как его отца выпорол дедушка рассказчика, последний покраснел. Однودворцы, хотя и принадлежали к крестьянству, обладали некоторыми правами и привилегиями, в том числе были освобождены от телесных наказаний; но большой барин, как дедушка рассказчика, мог позволить себе и пренебречь законом.

В силу своей емкости социально-бытовая деталь-иносказание широко применялась в русской литературе. Очевидно, классические тексты должны сопровождаться обстоятельными комментариями, растолковывающими мысль писателя. Однако нередко составители комментариев оказываются не на высоте задачи и даже совершают грубые ошибки. Так, в комментариях к рассказу Н. Лескова «Пугало» в 11-томном издании сочинений писателя 1958 г. термин «Этишкет» объясняется как «принадлежность военной формы гусар: длинный шнур с двумя кистями на конце, идущий от эфеса шашки к воротнику». Здесь все неверно: этишкет (вовсе необязательно у гусар) – шнур с кистями и плетенкой-тринчиком на кивере; несколько выше комментатор объяснил термин «Кутас» правильно, а этишкет и кутас – одно и то же. От воротника, точнее, с шеи, двойной шнур вел к рукояти револьвера: он так и назывался «револьверный». Наконец, гусары вооружались не шашками, а лекавалерийской саблей.

Другой пример: в одном из изданий романа И.А. Гончарова «Обломов» в серии «Школьная библиотека» (!) фраза Судьбинского «Еще нынешний год корону надо получить, думал, “за отличие” представят, а теперь новую должность занял: нельзя два года сряду...» объяснялось так, что будто бы Судьбинский должен получить в виде награды дворянство. Между тем Судьбинский уже был дворянином, поскольку дворянство имело почти монопольное право на государственную службу. Речь в романе идет о том, что Судьбинский должен был получить небольшое дополнение к знакам орденов св. Станислава или св. Анны, имевшее вид императорской короны и как бы повышавшее степень знака. Разумеется, это не столь существенно для понимания содержания романа, но все же такие ошибки непростительны.

Государственная публичная историческая библиотека регулярно переиздает старые книги из своих фондов, сопровождая их предисловиями и комментариями. В этой работе участвует и автор этой статьи. И перед ним постоянно встает мучительный вопрос: что прокомментировать. Вот книга воспоминаний левых эсеров «Кремль за решеткой»¹⁴. Понятно, что когда арестованный эсер пишет о снующих по коридорам тюрьмы «кожаных мужчинах и женщинах», делящихся впечатлениями об участии в расстрелах, то читатель, вероятно, догадается сам, что речь идет о чекистах. А вот почему характерным признаком чекистов и комиссаров стали кожаные куртки, шаровары и картузы, уже почти никто не знает. Но вот вопрос: а нужно ли здесь объяснять, что они присвоили присылавшееся союзниками в Россию вместе с автомобилями и самолетами кожаное обмундирование, не впитывавшее масла и бензин, а водители автомашин и броневиков в Красной армии остались при своих шинелях и хлопчатобумажных шароварах. Разумеется, необходимы пояснения к выражениям «охраннические методы» ВЧК, «в теперешнем царстве Семенова», «Для него приготовили тачку», «Заявление Ленина по поводу батальона немецких солдат» или жаргонным терминам «френчмен», «ходя», «шкура», «испанка». Конечно, к книге Н. Телешова «За Урал» следует дать объяснение, что такое «Крушение царского поезда», «Дарственный надел», «Ехали по машине», «Мы вышли на тормаз», да даже и «арфистка» (проститутка, прикрывавшаяся в ресторанах игрой на арфе) или «музыка» (музыкальный автомат). Но нужно ли объяснять, что такое скуфейка или штейгер?¹⁵ Или, когда комментируется книга Ег. Ковалевского «Граф Блудов и его время», то, разумеется, следует объяснить, кто таков «Семинарист во фризском изношенном сюртуке» и какую роль подобная личность играет в Московском архиве Иностранных дел среди «архивных юношей» из дворян хороших фамилий¹⁶.

С этой точки зрения было бы любопытно обратиться к опыту издатель и комментаторов прошлого. Так, историк-популяризатор С. Шубинский в 1874 г. издал «Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны». В 2016 г. это издание переиздано Исторической библиотекой, и мы воспользуемся им. К 80-страничной книге Шубинский дал 43 страницы комментариев, чрезвычайно пространных, иной раз занимающих более страницы и содержащих детальные характеристики упомянутых леди Рондо русских вельмож. К этому же изданию была приложена краткая Записка К. Рондо «О некоторых вельможах Русского двора в 1730 году», или

«Характеры некоторых русских вельмож», обнаруженная русским историком Ю. Толстым в 1858 г. в Лондонском королевском архиве. Восьмистраничная публикация Записки с более или менее обширными пристрастными примечаниями дополнительно сопровождалась еще восемью страницами пояснений Толстого с цитированием современников. Таким образом, примечания к публикации Шубинского могут составить вполне солидный самостоятельный труд¹⁷. С другой стороны, переизданная той же Исторической библиотекой в 2013 г. книга современника Шубинского, историка М. Хмырова «Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791)» вообще не имела комментариев, а только крайне скудные пристрастные ссылки. И это не значит, что книга Хмырова не нуждалась в комментариях: готовившая ее переиздание М. Полякова сделала 477 примечаний на 95 страницах к 200-страничному тексту¹⁸. Так что прошлый опыт историков и публикаторов оказывается неоднозначным и помочь нам не может.

Возможно, не так уж важны и необходимы простые пояснения, к какому классу относится тот или иной чин или что такое фриз и нанка, если они упомянуты «мимоходом». Или что такое верста, десятина, фунт – это при желании легко узнать из любого энциклопедического словаря. Впрочем, в некоторых случаях и они нуждаются в подробном объяснении, если речь идет о душевом земельном наделе в 1,5 десятины или о наивысшем пайке в 1 фунт – и того, и другого крайне недостаточно, и это нужно объяснить. Важно раскрыть смысл явления, показать, с какой целью писатель-беллетрист использовал деталь. Что хотел сказать мемуарист или автор старой, дореволюционной монографии, вроде бы проходя (а иногда и с умыслом) упомянув то или иное лицо, тот или иной факт или ту или иную деталь. Без квалифицированных комментариев издавать книги нельзя.

Примечания

¹ Рейсер С. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.

² Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Л., 1975; Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Комментарий к роману А.С. Пушкина. М., 1964; Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М., 1966; Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Л., 1979; Пустовойт П.Г. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Комментарий. М., 1983; Фомичев С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий. М., 1983.

- ³ *Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. 2004. № 66.
- ⁴ Например, *Клименко И.Г.* Методика использования комментария при изучении русской литературы в старших классах: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1991; *Бармина Л.В.* Затекустовые комментарии как компонент лингвокультурологического исследования художественного текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, М., 2011 и др.
- ⁵ Например, *Неверов В.В.* Комментированное чтение на уроках литературы в 8 классе // Литература в школе. 1957. № 2; *Барлас Л.Г.* Объяснение слов на уроках литературного чтения // Литература в школе. 1960. № 3; *Потемкина Е.В.* Комментированное чтение... / Автореф. дисс., 2015.
- ⁶ *Федосюк Ю.А.* Такое пособие необходимо // Вопросы литературы. 1959. № 6.
- ⁷ *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. Изд. 10-е. М., 2007.
- ⁸ *Кирсанова Р.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. М., 1989; Редкие слова в произведениях авторов XIX века / Под ред. Р. Рогожниковой. М., 1997; *Сомов В.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996.
- ⁹ *Беловинский Л.В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999; *Беловинский Л.В.* Историко-бытовой словарь русского народа. М., 2007; *Беловинский Л.В.* Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М., 2015.
- ¹⁰ *Беловинский Л.В.* Проблемы комментирования произведений русской классической литературы. Заметки историка // Детская литература. 1991. № 6.
- ¹¹ *Гоголь Н.В.* Сочинения. Нос. М.: Олма медиа групп, 2002. С. 305.
- ¹² *Толстой Л.Н.* Набег. М., 2017. С. 75.
- ¹³ *Толстой Л.Н.* Севастополь в мае. М., 2017. С. 39.
- ¹⁴ Кремль за решеткой. Подпольная Россия. М., 2017.
- ¹⁵ *Телешов Н.Д.* За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. М., 2017.
- ¹⁶ *Ковалевский Е.П.* Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра 1-го). М., 2016.
- ¹⁷ Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. М., 2016.
- ¹⁸ *Хмыров М.Д.* Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791): исторические очерки по архивным документам. М., 2013.